

Конференция молодых специалистов

«ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО И ГРЕЧЕСКОГО РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ»

(текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.).

29—31 мая 1967 г. в Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинском доме) АН СССР (далее: ИРЛИ) состоялась конференция молодых специалистов, организованная Ленинградским отделением Института народов Азии АН СССР (далее: ЛО ИНА) и ИРЛИ. В работе конференции приняли участие молодые ученые Воронежа, Еревана, Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Петрозаводска, Тбилиси, Тирасполя. Были представлены следующие учреждения: Московский гос. университет, Ленинградский гос. университет, Институт истории АН СССР, ЛО ИНА, ИРЛИ, Сибирское отделение АН СССР, Институт рукописей им. Кекелидзе Грузинской АН, Институт русского и иностранных языков им. Брюсова в Ереване, педагогические институты Ленинабада, Петрозаводска и Тирасполя, Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (далее ГПБ), Библиотека АН СССР в Ленинграде (далее БАН), Ленинградская школа № 27 и др.

Конференция открылась вступительным словом одного из ее инициаторов и организаторов, члена-корреспондента АН СССР профессора Н. В. Пигулевской, которая отметила своевременность избранной участниками конференции тематики.

На первом совещании было прослушано 4 доклада, из которых 3 были посвящены лингвистике. С докладом «Рукопись БАН СССР “Финляндские отрывки № 38” как памятник письменности XIII в.» выступила *О. П. Лихачева*, которая установила, что рукопись представляет собой отрывок из полемического сборника. Этот вывод можно сделать, судя по составу отрывка, содержащего фрагменты из трех памятников «учительной» литературы: 1) Слово о воскресении, 2) Слово о твари и о дне рекомем неделя, 3) Слово о законе и благодати митрополита Илариона.

Выступивший по докладу *Д. С. Лихачев* указал на то, что в Финляндии имеется еще довольно много фрагментов русских рукописей, которыми в настоящее время усиленно занимаются финские ученые (напр., *М. Виднэс*). *Д. С. Лихачев* отметил также, что при датировке уставных и отчасти полууставных рукописей следует основываться прежде всего на наличии поздних начертаний, поздних палеографических признаков, так как ранние начертания могут быть следствием традиции. *Н. Н. Розов* указал, что предположение докладчицы о полемическом характере сборника, фрагменты которого были исследованы, весьма любопытно и нуждается в дальнейшей разработке.

В докладе «Неизвестный отрывок из “Хроники” Иоанна Малалы (по Еллинскому летописцу)» *Э. М. Шусторович* сообщила о найденном ею в составе Еллинского летописца первой редакции (по двум спискам XVI в.) отрывке из первой книги древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. Принадлежность этого отрывка к названной «Хронике» устанавливается на основании его содержания, особенностей литературных приемов и стилистики, а также языковых данных, которые позволяют отнести текст к XI—XII вв.

В ходе обсуждения этого доклада всеми выступавшими было отмечено правильное направление методологических установок автора доклада (*Л. А. Дмитриев*, *Е. Э. Гранстрем* и др.). *Д. С. Лихачев* сказал, насколько важно и своевременно было бы издание «Хроники» Малалы, как произведения, сыгравшего огромную роль в развитии древнерусской литературы. *З. Г. Самодурова* обратила внимание на возможную связь исследованного *Э. М. Шусторович* фрагмента с так наз. «малыми византийскими хрониками». *А. И. Зайцев* поддержал в своем выступлении правильность определения исследуемого фрагмента как отрывка из Малалы и указал на то, что разобранный в

докладе рассказ о правлении Зевса и передаче ему царства Кроном можно найти во многих позднеантичных и ранних римских сочинениях.

В докладе «Греческие слова в лексике древнерусской рукописи XII в. “Устав Студийский”» *Д. С. Ищенко* сообщил о проделанном им исследовании «Устава», греческий оригинал которого не сохранился. В этом памятнике встречается много слов греческого происхождения; некоторые из них сопровождаются глоссами. Есть случаи параллельного употребления греческого слова и кальки (или полукальки) с него.

Д. С. Ищенко делает следующий вывод из своих наблюдений: «Тщательное лингвистическое изучение древнерусских рукописей, особенно неопубликованных (как “Устав Студийский”), может пролить дополнительный свет на наши сведения о древнерусской лексике и, в частности, на сведения о степени распространенности и освоенности слов греческого происхождения в древнерусском языке».

Часть докладов была посвящена вопросам русского летописания. *М. Х. Алешковский* в докладе «Предисловие к Новгородской первой летописи младшего извода и его дата» остановился на разборе спорных положений в схеме начального летописания, предложенной *А. А. Шахматовым*. Докладчик отметил, что единственное прямое обоснование даты предисловия (1095 г.) строится на неверном отождествлении византийских императоров-соправителей Алексея и Исаака Ангелов с Комнинами. Спорным является и косвенное обоснование датировки, так как обвинение князей в алчности и неправом суде звучало особенно сильно после восстания 1113 г. Основной вывод доклада: в Новгородской первой летописи сохранился не гипотетический Начальный свод 1095 г., а реально существующий памятник — первая редакция Повести временных лет.

Доклад *М. Х. Алешковского* вызвал большой интерес и оживленные прения.

Выступавшие по докладу *Я. С. Лурье*, *О. В. Творогов*, *Д. С. Лихачев* высоко оценили результаты исследования, отметив в то же время, что конечный вывод докладчика требует дополнительной аргументации.

В докладе *Л. А. Вольской* «Рассказ о “стоянии на Угре” — памятник публицистики XV в.» затрагивались вопросы летописания конца XV — начала XVI в. Летописные своды этого времени донесли до нас разные варианты рассказа об Угре. Наиболее ранние редакции рассказа содержат Типографская летопись и Московский летописный свод конца XV в. Как убедительно доказала *Л. А. Вольская*, Типографская летопись ближе к источнику, чем Московский летописный свод. Первоначальным источником был нелетописный рассказ ростовского происхождения. Попав в Ростовский владычный свод и оттуда в Типографскую летопись, рассказ этот третью свою редакцию нашел в Московском своде. Затем *Л. А. Вольская* показала дальнейшую судьбу летописного рассказа об Угре, отметив, что в ней нашла отражение сложная внутривосточная обстановка того времени.

И. А. Жарков в сообщении «Продолжения Нового летописца» кратко рассказал о возникновении и продолжениях этого важнейшего памятника позднего летописания. Изучение списков показывает, что текст так называемого Кутузовского списка восходит к более раннему изводу, чем Никоновский список. Составитель Нового летописца использовал известия, записанные в более раннее время: «о вихре на Москве» (до 1598 г.); о постройке городов Воронежа и Кром (до 1605 г.); о казни Семена Вяземского и «об измене городов» (до 1611 г.), а также устные рассказы современников событий и многочисленные записи разрядов. Возможно, что основа Нового летописца была составлена между 1613—1616 гг. Редакция 1630 г. написана была, по-видимому, в Новоспасском монастыре. Далее докладчик рассказал о продолжениях Нового летописца, возникших на протяжении второй половины XVII в.

Областному летописанию был посвящен доклад *Н. А. Дворецкой* «К изучению городских летописей Сибири». Докладчица остановилась на распространенном, но малоизученном памятнике — «Описании о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ея».

Известно большое количество списков его, они разделяются на несколько редакций. Записи на рукописях, содержащих текст ранней по времени Головинской редакции и Игнатьевской редакции, имеющей томское происхождение, раскрывают участие в сибирском летописании тобольского воеводы А. П. Головина и товарища томского воеводы Л. Петрово-Соловова. Состав сборников, в которых встречается «Описание» Головинской редакции, позволяет говорить о связях Посольского приказа и Тобольской приказной избы. Об участии выходцев с Украины в сибирском летописании свидетельствует Шлецеровский список, составленный, возможно, П. Ф. Мировичем. По докладу Н. А. Дворецкой выступила Е. К. Ромодановская, отметившая, что наблюдения над поздними сибирскими летописями представляют интерес для истории сибирского летописания в целом. Предположение же о П. Ф. Мировиче может быть подтверждено только нахождением его автографа.

М. В. Рождественская посвятила свой доклад «К литературной истории текста “Слова о Лазаревом воскресении” (пинежские списки “Слова” 1533 г.)» анализу замечательного памятника ораторского искусства Киевской Руси, известного до сих пор лишь по трем спискам. Для настоящего исследования привлечено было девять списков, среди которых большой интерес представляют списки из Пинежского сборника 1533 г. Далее докладчица остановилась на текстологическом анализе списков и привела схему взаимоотношений списков двух редакций «Слова».

Д. С. Лихачев отметил, что на основе проделанной работы автору следует подготовить научное издание памятника, которое явится большим событием в науке.

Произведениям литературы конца XVII и начала XVIII в. было посвящено три доклада.

М. Д. Каган-Тарковская выступила с докладом «Использование официального документа в литературной деятельности приказно-деловой среды XVII в.». Подложные дипломатические и разрядные документы XVII в. имеют самостоятельную публицистическую и литературную значимость. Они идут от традиций публицистики XVI в., но не имеют делового назначения; их деловая форма оказывается литературным приемом. Эти памятники создавались в Посольском приказе. Жанр «посольских повестей» связан с интересом читательских кругов к политическому документу, со стремлением превратить этот документ в занимательное чтение. Жанр демократической сатиры также использует форму деловой письменности, но в использовании ее есть элементы пародийности, в то время как жанр посольских повестей опирается на авторитет официального документа. В сатирических произведениях выражается протест низов городского посада — посольские повести служат государственной идеологии в ее внешнеполитическом аспекте.

Доклад *З. П. Власовой-Семякиной* «Повесть об ангеле, ослушавшемся бога», касался малоисследованной повести конца XVII в., разрабатывающей один из сюжетов мировой литературы и фольклора. Пять списков повести разделяются на две редакции. История списков показывает, как изменялся текст произведения под влиянием интересов и вкусов среды. Повесть пополняет собой ряд повестей XVII в., в которых перерабатывался исторический греческий сюжет с использованием средств фольклора. Автор повести хорошо знаком с древнерусской литературной традицией. Все части повести объединяет авторская концепция «добра и зла», отличная от ортодоксальной христианской.

Обличение духовенства, поиски решения вопроса о справедливости «судов господних» говорят о возникновении повести в демократической части русского общества.

Памятнику переходного периода от древнерусской литературы к литературе нового времени был посвящен доклад *Е. К. Ромодановской* «Новые материалы к “Повести о Димитрии Римском”». Для исследования было привлечено три списка. Один из них — неизвестный ранее список из коллекции рукописей ИРЛИ. Списки содержат разные варианты повести с рядом отличий. Как установила Е. К. Ромодановская, повесть связана с циклом сказаний о гордом царе и по-своему разрабатывает тему его наказания. Для повести характерно сочетание книжных и фольклорных традиций, что позволяет сделать

вывод о возникновении ее в демократической среде. Занимательность сюжета сближает повесть с новеллами. Анализ языка говорит о возможности появления ее в западнорусских областях на рубеже XVII и XVIII вв. В заключение докладчица высказала мысль о необходимости изучения всего цикла повестей о гордом царе.

Выступая по докладу Е. К. Ромодановской, Д. С. Лихачев обратил внимание докладчицы на связь «Повести о Димитрии Римском» с народными легендами о самозванце и возразил против определения повести как западнорусской.

Г. Н. Моисеева, также высоко оценившая доклад, высказала мнение о северной традиции вновь найденного списка.

Несколько докладов было посвящено отдельным рукописным собраниям Советского Союза.

В. И. Апряткин сообщил о Пинежском собрании рукописей, хранящемся в ИРЛИ. Четыре археографических экспедиции 1962—1966 гг. собрали в районе реки Пинеги 305 рукописных книг XIV—XIX вв.; собрание содержит обширный разнообразный материал для изучения «местной рукописной книжной традиции, носителем которой в основном было крестьянское население края». Докладчик рассказал о составе собрания, в котором представлены все виды древнерусских текстов, и остановился на анализе записей, приписок и прочих помет в Пинежских рукописях; эти записи дают возможность изучить пути проникновения книги на Пинегу, установить сферу обращения книги и т. д. Необходимо продолжить, сказал *В. И. Апряткин*, собирание рукописей на Пинеге, а также подготовить описание собранных материалов. В прениях об этом докладе выступавшие (*Д. С. Лихачев*, *Г. Н. Моисеева*, *Ю. К. Бегунов*) единодушно отметили важность комплексного изучения книжности целого края. *Р. П. Дмитриева* указала на своеобразие Пинежского собрания, заключающееся в том, что это собрание не монастырское, рукописи этого собрания принадлежали частным владельцам.

Старообрядческой письменности посвятил свой доклад *В. В. Кибардин*, рассказавший о неизвестном стихотворении выговцев. Докладчик напомнил, что характерной чертой продукции выговских писателей было большое число стихотворных произведений, и сообщил о найденном им среди рукописей ИРЛИ неизвестном стихотворении. Сочинение это было написано в конце XVIII в., в годы, когда будущий император Павел был еще цесаревичем и старообрядцы возлагали на него большие надежды.

В прениях выступили *Д. С. Лихачев*, *Л. А. Дмитриев* и *Г. Н. Моисеева*, которые отметили, что *В. В. Кибардин* убедительно показал связь исследуемого им выговского стихотворения с местной стихотворной традицией.

Об уникальном собрании хорватских глаголических рукописей и печатных книг, принадлежавшем хорватскому ученому *И. Берчичу* (1824—1870) и находящемся в ГПБ, рассказала *О. И. Трофимкина*. Собрание это состоит из 280 фрагментов XIII—XVI вв. и нескольких книг; в свое время эти рукописи были изучены *И. В. Ягичем*. Хорватская глаголица рассматривалась хорватским народом как свидетельство независимости хорватов в лоне католической церкви. По мнению *О. И. Трофимкиной*, подготавливающей описание этого собрания, собрание Берчича имеет огромное значение для истории сербохорватского языка, литературы, культуры, особенно если учесть, что сохранилось очень мало глаголических памятников.

По этому докладу выступил проф. *М. И. Мулич* (Югославия), который выразил надежду, что результаты этих исследований будут скоро опубликованы.

О четырех греческих рукописях БАН рассказала в своем сообщении «Греческие рукописи Афонского происхождения в БАН» *И. Н. Лебедева*; все четыре рукописи были привезены в XVII в. в Москву из разных монастырей Афонской Горы.

Последний доклад на тему о рукописных собраниях принадлежал *М. Ф. Тонберг*, которая сообщила о собрании греческих рукописей в ЛГУ, состоящем из 18 единиц; древнейшей рукописью является пергаменное четвероевангелие XIII в. В мировой литературе, посвященной греческим рукописям, это собрание неизвестно.

Четыре доклада были посвящены культурным связям Армении и Грузии с Древней Русью и Византией.

И. А. Атаджанян рассказала об армянском сказании о Борисе и Глебе, которое было обнаружено Н. О. Эминым, а затем исследовано В. Н. Бенешевичем. По мнению докладчицы, составитель армянского сказания использовал русское анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» и «Сказание о чудесах Бориса и Глеба, присоединяемое к анонимному Сказанию в Успенской редакции»; армянский переводчик работал в первой половине XIII в., в то время, когда в Армении создавалась сводная редакция житий святых. Выступая по этому докладу, Д. С. Лихачев отметил, что хотя докладчица работала над «Сказанием» после того, как его подверг тщательному анализу В. Н. Бенешевич, ей, однако, удалось сделать важное открытие касательно источника этого сказания.

Л. Р. Каджаия посвятила свой доклад малоизученному вопросу об условных знаках в древнегрузинских рукописях IX—XII вв. Были рассмотрены знаки, употреблявшиеся для обозначения конца и начала разделов текста и для цитат; особое внимание было посвящено знакам, связывавшим комментарии с текстом. Большая часть этих знаков была воспринята грузинской письменностью из средневековых греческих рукописей. Докладчица рассказала о замеченном ею графическом сходстве некоторых знаков с глаголическими буквами; всего в грузинских рукописях употребляется в качестве условных знаков 13 глаголических букв.

Выступавшие в прениях (Д. С. Лихачев, Т. Б. Ухова, Н. В. Пигулевская, К. Э. Гранстрем, Б. Л. Фонкич) отметили важность исследования Л. Р. Каджаия, раскрывающего до сих пор неизвестные связи между грузинской, византийской и славянской письменностью.

Д. С. Лихачев указал, что открытие молодой грузинской исследовательницы подтверждает теорию Е. Э. Гранстрем об искусственном, ученом характере глаголической азбуки.

С. С. Какабадзе посвятил свой доклад распространению христианства в Грузии, отметив при этом, что тесные связи Грузии и Византии в раннехристианский период (IV—V вв.) обычно игнорируются. На основании сведений источников о строительстве церквей в Грузии в указанный период докладчик делает вывод о достаточно широком распространении христианства среди грузинского народа. Однако в глухих районах, особенно в горах, язычество сохранялось. Поэтому, как предполагает С. С. Какабадзе, в XI в., при католикосе Мелкиседеке, была проведена некоторая реорганизация грузинской церкви, в ходе которой новые церкви строили прежде всего в глухих сельских областях страны, куда посылали представителей просвещенного духовенства с целью дальнейшего утверждения христианства среди грузин.

Четвертый доклад этой группы был сделан *Н. В. Елисейевой* и носил название «Фрагмент из Шах-наме (последние Сасаниды и Византия)». Разбираемый фрагмент касается взаимоотношений Ирана с Византией в конце VI в. Докладчица сопоставила данные этого фрагмента с персидским текстом «Истории Табари», сохранившимся в одной из рукописей в Рукописном отделе ИНА.

З. Г. Самодурова рассказала о хронике XV в., хранящейся в Гос. историческом Музее в Москве и относящейся к числу так называемых малых византийских хроник, служивших учебными пособиями. Изученная хроника охватывает период от Авраама до царствований Михаила VIII Палеолога (1259—1282) и выделяется среди прочих малых Хроник своим светским содержанием. В хронике имеются сведения по истории Персии, Македонии и Рима, отсутствующие в других малых хрониках и извлеченные составителем из сочинений Геродота и Плутарха. Докладчица пришла к выводу, что «светский характер хроники и столь пристальное внимание к событиям античной истории объясняются тем, что эта хроника была написана в XIV—XV вв., когда в Византии формально восстанавливалась античная образованность».

Выступая по этому докладу, Д. С. Лихачев подчеркнул важность работы

З. Г. Самодуровой над малыми византийскими хрониками и особенно — важность

применения «шахматовской методики» к византийской хронографии, т. е. к тому виду источников, к которому эта методика еще не применялась. Далее выступавший отметил недопустимость примитивного, потребительского отношения к источнику, когда он расценивается только с точки зрения заключающихся в нем сведений. Каждый источник не только сообщает те или иные исторические данные, но и сам является осколком той эпохи, когда он был создан. Поэтому изучение истории текста малых хроник есть также изучение истории византийской общественной мысли.

Деятельности Максима Грека как переписчика греческих и русских текстов посвятил свой доклад под названием «Новый автограф Максима Грека» *Б. Л. Фонкич*. На основании анализа написанных рукой Максима Грека кодексов *Б. Л. Фонкич* определил некоторые характерные особенности переписанных им рукописей и установил, что Апостол (Кирилло-Белозерское собрание в ГПБ № 120/125) написан также Максимом Греком. Доклад этот вызвал живой интерес присутствовавших. По докладу выступили *Н. В. Пигулевская, Н. Н. Розов, Я. С. Лурье, А. И. Иванов*.

Чрезвычайно важной и малоизученной области средневекового славянского рукописного наследия, лежащей на стыке искусствоведения и палеографии, был посвящен доклад *Т. В. Уховой* «Методика систематизации и исследования орнамента балканского и неовизантийского стиля древнерусской рукописной книги». Докладчица познакомила присутствующих с разработанной ею методикой систематизации орнаментов двух стилей, которую можно применить при определении других стилей и внестилевых композиций. Принцип этого метода заключается в разложении главного декоративного оформления рукописи-заставки на схемы и малые орнаментальные формы. Раскрыв свое понимание этих двух элементов, *Т. В. Ухова* далее отметила, что систематизация орнамента по признаку единства формы и «почерка» деталей схем позволяет выделить группы рукописей «родственного» орнамента. Дальнейшее исследование требует искусствоведческого подхода к материалу. Подробно остановившись на этом этапе изучения орнамента, *Т. В. Ухова* в заключение сделала вывод о том, что осмысление данных исследования орнамента на широком историко-культурном фоне позволит создать историю рукописной книжной орнаментики.

По докладу *Т. В. Уховой* выступили *Д. С. Лихачев, Н. Н. Розов, О. В. Творогов* и др. Было отмечено, что работа *Т. В. Уховой* является началом подлинно научного изучения орнамента, поскольку до сих пор в исследовании орнамента преобладала «методика впечатления» и отсутствовала строгая научная терминология.

О. В. Звезгинцева продемонстрировала фототипические издания византийских, славянских и древнерусских иллюминированных рукописей с воспроизведением рукописей V—XVIII вв. Докладчица разобрала разные виды этих изданий, которые значительно расширяют возможности знакомства с рукописями.

Итоги конференции были подведены на заключительном заседании *Д. С. Лихачевым* и *Н. В. Пигулевской*. Член-корр. АН СССР *Д. С. Лихачев* подчеркнул, что на конференции было продемонстрировано единство всех ее участников в подходе к изучению рукописных источников, единство в понимании важности рукописных богатств нашей страны, единство в «зараженности романтикой источниковедения». Рукописи, заявил *Д. С. Лихачев*, занимают важное место в деле борьбы за точность и объективность выводов в гуманитарных науках, что является в настоящее время не только научной, но и общественной задачей. Участники совещания выступили с докладами, основанными на передовых, современных методах источниковедческого анализа, стремились комплексно рассматривать источники и рукописи, видеть за каждым памятником его конкретных творцов, людей, окруженных определенной социальной средой.

В конце своего заключительного слова *Д. С. Лихачев* внес следующие практические предложения:

- 1) Издать прочитанные доклады.

2) Сделать наши источниковедческие конференции постоянными, т. е. организовывать их каждые 2 года.

Д. С. Лихачев обратился ко всем присутствующим с просьбой о помощи в подготовке следующей конференции и в расширении состава ее участников.

Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, выступая с заключительным словом, поддержала эти практические предложения. Она отметила значимость конференции, как в смысле ее тематики, посвященной изучению рукописных богатств Советского Союза, так и в смысле участия в ней молодых научных сил, которые проявили умение работать и увлеченность наукой. Далее Н. В. Пигулевская отметила значительную роль Д. С. Лихачева в деле воспитания молодых ученых и в организации нынешней конференции. В своем выступлении Н. В. Пигулевская пожелала успеха также и другим ученым, с готовностью отдающим свои силы воспитанию кадров (Н. Н. Розову, Я. С. Лурье, Р. Р. Орбели, Е. Э. Липшиц, Е. Э. Гранстрем и др.).

С ответными словами благодарности учителям выступили на заключительном заседании И. А. Жарков, И. Н. Поздеева, З. Г. Самодурова, Б. Л. Фонкич, Э. М. Шусторович и др., подчеркнувшие роль Н. В. Пигулевской и Д. С. Лихачева в организации конференции, которая стала настоящим праздником для всех присутствующих. Участники конференции благодарили также О. А. Белоброву, на плечи которой легла вся организационно-техническая подготовка конференции.

*Е. Гранстрем, Н. Дворецкая
(Публ. по: Византийский временник. Т. XXVIII. М., Наука, 1968. С. 314-318)*